

ОШИБКА В ДОГОВОРЕ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ПРАВЕ

П.Ф. ЖИЖИН,

Юрист, Tukulov Kassilgov
Shaikenov Disputes

(г. Алматы, Казахстан)

e-mail: petrzhizhin.msu@mail.ru

Противопоставление воли и волеизъявления ставит задачей любого правопорядка найти баланс между двумя правовыми ценностями: стабильностью гражданского оборота и автономией воли. А значит защита лица, совершившего ошибку¹, не может быть абсолютной – уважение его воли не должно нарушать разумных ожиданий другой стороны, что требует взвешенного подхода с юридикско-технической и политико-правовой точек зрения.

Напротив, сегодня в России и других постсоветских странах заблуждение рассматривается как маргинальное² основание недействительности, что во многом связано с отсутствием³ должного теоретического осмысления проблемы. На общеевропейском уровне также возникают сложности в поиске *common core* учения об ошибке⁴. Все это вызывает необходимость в обращении к опыту французского правопорядка, представляющего континентально-правовую традицию и имеющего развитую систему пороков согласия.

В настоящей статье анализируется развитие подходов к ошибке в договоре со времен римского права вплоть до недавней реформы обязательственного права во Франции (*объект* исследования). *Предмет* исследования ограничен рассмотрением ошибки в договоре как акте свободной воли двух лиц. *Целью* работы является выяснение необходимых условий для признания недействительности договора по причине ошибки во французском праве. *Научная новизна* работы обусловлена первым системным изложением учения об ошибке в договоре во французском праве на русском языке. Выводы автора подкреплены анализом французских доктринальных источников и судебной практики. В целом, в работе используются как общенаучные *методы*, так и частно-научные: исторический, сравнительно-правовой, нормативный.

Ключевые слова: воля, волеизъявление, сделка, договор, недействительность, ничтожность, заблуждение, французское право, римское право, сравнительное право.

© П.Ф. Жижин, 2023

¹Здесь и далее мы используем термины «ошибка» и «заблуждение» как синонимы.

²См., например: Сделки, представительство, исковая давность: постатейный комментарий к статьям 153–208 Гражданского кодекса Российской Федерации / Отв. ред. А.Г. Карапетов. М. 2018. С. 736. – авторы комментария А.Г. Карапетов и В.В. Байбак заключают, что статья о заблуждении «должна применяться в самых редких и вопиющих случаях».

³В качестве одной из немногих работ можно назвать: Зезекало А. Ю. Заблуждение при совершении сделки. Томск. 2011. – 196 с.

⁴Jansen N., Zimmermann R. Contract Formation and Mistake in European Contract Law: A Genetic Comparison of Transnational Model Rules // *Oxford Journal of Legal Studies*, Vol. 31, Issue 4, Winter 2011, P. 648.

1. Развитие учения об ошибке в договоре во Франции

1.1. Вариативность подходов к ошибке в договоре в римском праве

Единого учения об ошибке в договоре римское право не знало. Уровень абстракции был низок, если не сказать, что отсутствовал⁵. Между тем, казуистический метод, пользующийся особой популярностью у римских юристов, позволил им экстрагировать различные виды ошибок, основной массив которых рассматривается применительно к контрактам. Однако, есть некоторые упоминания об ошибке и в иных сделках⁶ (например, в завещании).

В процессе развития римского права подход к ошибке в договоре менялся. Изначально сакральный характер архаичных форм сделок (*mancipatio*, *sponsio*) не позволял учитывать ошибку как нарушение *consensus*. В дальнейшем, с развитием экономического оборота и появлением реальных и консенсуальных контрактов⁷ сложились предпосылки для признания заблуждения как порока.

Ошибка при совершении сделки воспринималась как нарушение согласия (*consensus*). Однако, это не значит, что воля стороны не принималась во внимание. Как отмечает Шермайер М.И., «под *consensus* римляне подразумевают общее восприятие, где есть не только осознание, но и желание совершить сделку»⁸. Таким образом, лицо, которое допускает ошибку, делает свое согласие недействительным – *non consentiant qui errent*⁹. Ошибку, которая не порождает правовых последствий сделки принято называть «препятствующей». Для недействительности сделки, совершенной с такой ошибкой необходимо, чтобы она относилась к объекту, а не к мотиву договора¹⁰.

В общем смысле, наступление ошибки¹¹ связано либо с незнанием фактов (*ignorantia facti*), либо с незнанием права (*ignorantia iuris*), которое не имело правового значения для римского права¹².

Переходя к отдельным разновидностям ошибок в факте, заметим, что большинство из них основано на прямом указании того, в чем ошибается сторона. Так, ошибка в лице (*error in persona*¹³), заключается в неправильной идентификации контрагента. Например, когда завещатель вписывает патрона вместо брата. Примечательно, что в таком случае ни один из них не будет являться наследником: брат – потому что не был записан, а патрон – за

⁵Что было предельно характерно для римской юриспруденции. (См. подробнее: Schulz F. Principles of Roman Law. Oxford: Clarendon Press. 1936. P. 43).

⁶Термин «сделка» как результат абстрагирования немецких пандектистов XIX века мы употребляем с известной долей условности, так как понятно, что римские юристы не оперировали им.

⁷Сравнивая их с архаичными формами, П. Жирар подмечает, что «им (реальным и консенсуальным контрактам – прим. П. Ж.) для действительности достаточно соблюдения существенных условий, вытекающих из их экономического назначения» (См.: Girard P. F. Manuel élémentaire de droit romain. 1918. Paris. P. 447).

⁸Шермайер М. И. Учение о заблуждении в истории европейской юридической мысли // Закон. 2015. № 9. С. 195.

⁹D. 2.1.15. – *здесь и далее цит. по*: Дигесты Юстиниана: Избр. фрагменты в пер. и с примеч. И. С. Перетерского / АН СССР, Ин -т государства и права; Отв. ред. Е. А. Скрипилев. М. 1984. – 456 с.

¹⁰Lawson F. H., Error in substantia // The Law Quarterly Review. Jan., 1936. P. 80.

¹¹Упомянем, что заблуждение может возникнуть не только из-за ошибки, но и в результате самостоятельного обмана другой стороны (*dolus in contrahendo*), представляющего, тем не менее, самостоятельное основание недействительности.

¹²Несмотря на общее правило *ignorantia iuris non excusat*, в римском праве ссылка на незнание закона в определенных случаях могла рассматриваться как «извинительное» обстоятельство (см.: Санфилиппо Ч. Курс римского частного права. М. 2002. С. 67-68).

¹³D. 28.5.9.

отсутствием воли завещателя. Более деликатной предстает ошибка в природе сделки (*error in negotio*): «если я дал тебе как бы на хранение, а ты принял как бы займы, то нет ни договора о хранении, ни займа»¹⁴. Здесь недействительность стоит в зависимости от основания сделки: если она каузальная, то такая ошибка приведет к недействительности, напротив, абстрактная сделка сохранит свою действительность¹⁵.

В других же случаях подход римских юристов был отмечен определенной гибкостью в стремлении сохранить договор в силе. Речь идет об ошибке в цене (*error in pretio*). Так, если арендодатель хотел сдать имение за меньшую сумму (10), чем ошибался арендатор (20), то имение считается сданным в наем за цену, не превышающую той, о которой думал арендодатель (то есть за 10), так как «готовность платить более высокую стоимость может быть разумна воспринята за готовность платить и меньшую сумму»¹⁶. Аналогичный подход *in favorem validitatis* имеет конструкция ошибки в количестве (*error in quantitate*)¹⁷.

Однако, в случае, когда сторона ошибочно представляла другой предмет договора, нежели ее контрагент, согласие сторон *ad idem* нарушено ошибкой в предмете (*error in corpore*¹⁸). Примечательно, что ошибка в предмете может затрагивать и аспект его «оборотоспособности». Например, сторона обязалась продать священные земли или свободного человека, которые не могут быть объектами частных прав – понятно, что такая сделка будет ничтожной, а удовлетворение кредитор получит через иные конструкции¹⁹.

Продолжая рассуждения об ошибке в предмете, Ульпиан задается знаменитым вопросом: «если нет заблуждения относительно предмета, но имеется заблуждение о *substantia*, например если продан уксус вместо вина, медь вместо золота, свинец вместо серебра или что-либо другое, подобное серебру, то имеется ли купля и продажа?»²⁰. Сам Ульпиан отвечает отрицательно на этот вопрос, его поддерживают Юлиан²¹ и Павел²².

В данном случае речь идет об *error in substantia*, которая связана с существенной характеристикой предмета договора. Едва ли не каждая научная работа по теме ошибки в договоре указывает на неопределенность понимания *error in substantia* в римском праве²³. Известную сложность вызывает определение понятия *substantia*, на истинный смысл которого падает тень интерполяционной критики названного фрагмента²⁴. Представляется, что попытка философского объяснения используемых в D.18.1.9. категорий не способна привести к осмыслению их правового значения. Как отмечает Полдников Д.Ю., «римские

¹⁴D. 12.1.18.1.

¹⁵Дождев Д. В. Римское частное право: учебник. 3-е изд. М. 2018. С. 163.

¹⁶D. 19.5.52.

¹⁷D. 45.1.1.4.

¹⁸D. 18.1.9.

¹⁹Vareilles-Sommières G. Étude sur l'erreur en droit romain et en droit français. Paris. 1871. P. 93.; Например, через *in integrum restitutio ob errorem*, появившуюся в преторском праве (См.: Giffard. A. E. Droit romain et ancien droit français: Les obligations. 1958. Paris. P. 219.).

²⁰D. 18.1.9.2.

²¹D. 18.1.41.1.

²²D. 18.1.10.

²³См., например: Гордли Дж. Ошибка при заключении договора («Вестник гражданского права», 2009, № 4) // СПС «КонсультантПлюс».

²⁴Более того, С. MacMillan пришла к выводу, что вышеназванные фрагменты Юлиана и Павла, которые «подтверждают» мнение Ульпиана, подверглись манипуляциям компиляторов, так как «в том виде, в каком они приведены в Дигестах, они являются вырванными из контекста». (См.: Catharine MacMillan. Mistakes in Contract law. 2010. P. 22).

юристы не углубляются в смысл используемых понятий и зачастую используют их не в том значении, которое им придавали философы»²⁵.

Если же обратиться непосредственно к содержанию цитируемого фрагмента, можно заметить, что из большинства примеров, содержащихся в *D. 18.1.9.2* явствует явная *несоответственность* ценности изначально предполагаемого предмета договора и ошибочно установленного (например: золото – медь, серебро – свинец). В связи с этим можно согласиться с мнением Р. Циммермана, который связывает учение об *error in substantia* с желанием Ульпиана заполнить недостаточность средств правовой защиты покупателя в классический период²⁶.

Однако Ульпиан указывает²⁷ на отсутствие различий в *substantia* девушки и женщины, так как они одного пола, поэтому возникает вопрос: будет ли ошибка в *substantia* в случае, если я хотел купить молодого и здорового раба, а ты думал, что продаешь старого и болезненного? Видится, что в данном случае речь будет идти об ошибке в качестве (*error in qualitate*²⁸), которая наряду с ошибкой в названии (*error in nomine*²⁹) не влияют на действительность сделки, так как касаются только мотивов, между тем, «мотив индифферентен для права до тех пор, пока он не находится в содержании договора»³⁰.

Таким образом, в римском праве ошибка рассматривается как нарушение согласия, влекущее ничтожность договора. Вариативность подходов проявляется в одновременном существовании различных критериев выделения препятствующей ошибки: отсутствие согласия *ad idem* (ошибка в предмете, ошибка в лице); направленность воли лица (ошибка в цене, ошибка в количестве); относимость к существенной характеристике предмета (*error in substantia*).

1.2. Развитие учения об ошибке в договоре в дореволюционном французском праве

Теперь, когда установлен исторический исход конструкции ошибки в договоре, следует продолжить её рассмотрение применительно к французскому праву. Основной вопрос здесь будет лежать в плоскости тех изысканий европейской правовой мысли, которые определили содержание *Code Civil des Français* (далее – *С.С.*, Кодекс) относительно ошибки в соглашении.

Симптоматично, что, как и в римском праве, древние формы контрактов во франкском обществе основывались на строгом формализме, поэтому ошибка, равно как и насилие, не имели значения для действительности договора³¹. Однако уже к XIII веку, под влиянием

²⁵Полдников Д. Ю. Формирование учения о договоре в правовой науке Западной Европы: XII – XVI вв.: диссертация ... доктора юридических наук: 12.00.01. Москва, 2016. С. 93.

²⁶Zimmermann R. *The Law of Obligations. Roman Foundations of the Civilian Tradition*. Cape Town: Juta, 1990. P. 594.

²⁷*D. 18.11.1.*

²⁸*D. 18.1.10.*

²⁹*D. 18.1.9.1.*

³⁰Zimmermann. R. *Op. cit.* P. 597.

³¹Brissaud J. В. *Cours d'histoire générale du droit français public et privé*. 1904. P. 1393.; Примечательно, что подобный подход отразился и в знаменитой фразе Антуана Луазеля, юриста XVI века: «On lie les boeufs par les cornes et les hommes par les paroles» – волы связываются рогами, а люди словами. (Loysel A., *Institutes coutumières ou Manuel de plusieurs et diverses reigles, sentences et proverbes, tant anciens que modernes, du droit coutumier et plus ordinaire de la France*. Paris. 1607. P. 670). В схожем направлении мыслил Г. Гроций разработавший «теорию доверия», которая связывает человека его волеизъявлением, но исходит она уже не из предостерегательного «слово – не воробей, вылетит – не поймаешь», а из теории достоверности внешнего знака, то есть доверия к выраженной воле индивида (См. подробнее: Шермайер М. И. Указ. соч. С. 199).

различных философских течений был разработан ряд положений, представляющих интерес для учения об ошибке.

Речь идёт о первых комментаторах, которые работая с корпусом римских источников и используя схоластическую методологию придали новый смысл ошибке в существе вещи. На римские правила начали накладывать античную философию, что определило дальнейшее развитие учения о договоре в целом. Так, если Ульпиан в качестве исключения признавал действительной продажу вина, которое затем скисло и превратилось в уксус³², то для Аристотеля именно существенное качество определяет то, чем является вещь. Если уксус образовался из вина и материя всё ещё едина, то *сущность* тем не менее остаётся разной³³.

Таким образом, Продолжая аристотелевский подход, комментатор Бартол заметил, что существо вещи определяется не материально, а через призму конкретных целей и намерений сторон, заключающих договор³⁴. Иными словами, при покупке поля мы намерены приобрести не грунт и траву, а плодоносящий участок. То есть для определения существа вещи имеет значение не материальный аспект, а целевой (назначение вещи, которое определяется намерениями сторон).

Вместе с тем, в отличие от римского права, средневековые юристы рассматривают ошибку не как нарушение согласия, а как нарушение *автономии воли*. Корни такого подхода находятся в каноническом праве и схоластическом учении. На примере ошибки в брачном договоре Ф. Аквинский сформулировал теорию вменения (атрибуции), в соответствии с которой вменить можно только то действие, которое является добровольным и совершено без ошибки в восприятии³⁵.

С этим связано и рассмотрение в качестве принципиального критерия *каузальности*, который ставит возможность оправдать ошибку в зависимости от знания лица о действительных обстоятельствах дела. То есть принимается во внимание неведение, предшествующее ошибке (*ignorantia antecedens*): если лицо не совершило бы действие, знай оно о истинных обстоятельствах дела, то неведение оправдано *vice versa*³⁶.

Широко распространённое во Франции направление гуманистов-антикваров не привнесло ничего нового в учение о договоре. В то время как направление гуманистов-систематизаторов предприняло попытки создания общей части договорного права. Так, француз Доннел поместил заблуждение в систему «внешних обстоятельств, которые порождают разногласие в том, о чём ведут переговоры, и о том, что препятствует договору»³⁷.

Таким образом, под воздействием средневековых правовых школ и канонического права ошибка стала рассматриваться как нарушение автономии воли, а подход к существу вещи сменился с римского материального, на схоластический – субъективный, что было воспринято юристами французской национальной школы.

³²D. 18.1.9.2.

³³Gordley J. The Philosophical Origins of Modern Contract Doctrine. Clarendon Press. 1991. P. 58.

³⁴Gordley J. Op. cit. P. 60.

³⁵R. Sefton-Green. Mistake, Fraud and Duties to Inform in European Contract Law. Cambridge University Press, 2005. P. 48-49.

³⁶Шермайер М. Й. Учение о заблуждении в истории европейской юридической мысли. // Закон. 2015. № 9. С. 197.

³⁷Donellus H. Comm., 12.7.6. (Приведено по: Полдников Д. Ю. Формирование учения о договоре в правовой науке Западной Европы: XII – XVI вв.: диссертация ... доктора юридических наук: 12.00.01. Москва, 2016. С. 425).

1.3. Французская национальная школа и Кодекс 1804 г.

В XVII-XVIII вв., с принятием принципа *консенсуализма* появилась потребность в определении влияния ошибки на согласие стороны³⁸. Один из первых систематизаторов французского права, Ж. Дома (Domat) рассматривал заблуждение как отсутствие согласия (*defaut de consentement*)³⁹. Он не раскрывает всего перечня ошибок, упоминая об ошибке в существе сделки, расчёте и каузе⁴⁰.

Особенно любопытен подход Дома к ошибке в каузе, где заблуждение относительно существенного основания сделки является достаточным для её аннулирования, в то время как если сторона допустила ошибку в отношении второстепенного основания, то соглашение сохраняет действительность. Далее он поясняет: «те, кто заключили сделку в целом, не могут жаловаться на то, что допустили ошибку в чем-то отдельном»⁴¹. Однако, выводы Дома не оригинальны, его предшественник, поздний схоласт Лессий также разделял ошибки в существенной и второстепенной каузе⁴².

Концептуальное развитие получила ошибка в мотиве. М. Прево де ла Жаннес (Prévôt de la Jannès), другой юрист того времени, хоть и говорит, что ошибка в мотиве не влечёт недействительности по общему правилу, но выделяет два необходимых условия, при которых она приводит к аннулированию соглашения⁴³: а) об ошибке известно другой стороне; б) то, в отношении чего сторона допустила ошибку являлось специальным условие договора.

Отдельного внимания заслуживает работа *Traité des obligations* Роберта Потье, который окончательно выстроил стройную систему пороков согласия и дифференцировал правовые эффекты различных ошибок⁴⁴. Не давая перечня всех ошибок, Р. Потье, в отличие от своих предшественников, возвращается к римской оппозиции ошибки в предмете и существе соглашения.

Так, «ошибка аннулирует соглашение не только тогда, когда она относится к самой вещи, но и когда она затрагивает качество вещи, которое договаривающиеся стороны особенно оговорили и которое составляет сущность этой вещи»⁴⁵. В таком случае нет согласия о существенных признаках предмета, а значит, договор будет недействительным. С другой стороны, порок воли отсутствует, если ошибка относится только лишь к второстепенному качеству вещи (например, непредвиденная потёртость обложки на купленной книге⁴⁶).

Следуя схожей логике, Р. Потье предлагает признавать за ошибкой в лице последствия недействительности только в случае, если определённое лицо имело значение для заключения договора⁴⁷. Здесь речь идёт не о мотиве лица, а о существовании конкретного правоотношения (например, совершенно неважно, кто именно доставит купленный товар, однако, важно, кто напишет картину под заказ).

Таким образом, несмотря на внешне субъективный критерий установления ошибки, введя конструкции «качества, которое составляет сущность вещи» и «лица, которое имеет-

³⁸Ghestin J. La notion d'erreur dans le droit positif actuel: Thèse pour le doctorat... Paris. 1963. P. 14.

³⁹Jean Domat. Les lois civiles dans leur ordre naturel. 1689. P. 32.

⁴⁰Ibid. P. 140.

⁴¹Ibid. P. 140.

⁴²Gordley J. The Philosophical Origins. P. 89.

⁴³М. Прévост де ла Жаннес. Les principes de la jurisprudence françoise, exposés suivant l'ordre des diverses espèces d'actions qui se pour suivent en justice. Paris. V.2. 1701 (1770). P. 136.

⁴⁴MacMillan C. Op. cit. P. 96.

⁴⁵Pothier R. J. Traité des obligations. 1761. V. I. P. 92.

⁴⁶Ibid. P. 93.

⁴⁷Ibid. P. 93.

значение для заключения договора» Р. Потье воспринял идею⁴⁸ о привнесении объективного фактора в определение заблуждения. К сожалению, великий французский юрист не оставил подробных критериев определения существа вещи, что проявляет недостаток данного подхода, так как «люди не тратят время на выяснение вопроса о том, какие из различий образуют различия в «сущности»⁴⁹.

Концепция ошибки Р.Ж. Потье была широко поддержана в ходе Подготовительных работ к Кодексу⁵⁰ и легла в основу ст. 1110 С. С.⁵¹: «Заблуждение является основанием недействительности соглашения лишь тогда, когда заблуждение относится к самому существу вещи, которая является предметом соглашения. Заблуждение не является основанием недействительности, если оно касается лишь лица, с которым намереваются заключить акт, кроме тех случаев, когда соображение о личных свойствах этого лица является основной причиной соглашения».

Подводя итог, можно заметить, что в XIII-XVIII вв. были предприняты попытки выделить универсальные критерии ошибки, влекущей недействительность (каузальность, существенность). Между тем, под воздействием идей естественного права юристы французской национальной школы восприняли субъективную концепцию ошибки в существе, что и было отражено в Кодексе.

2. Понятие ошибки в договоре во французском праве

2.1. Теория воли и ошибка в договоре

По замечанию М. Пластиоля «невозможно дать чёткую дефиницию ошибки, под которой в широком смысле понимается ложное представление о действительности»⁵². Особенность заблуждения проявляется в расхождении между внутренней волей и её внешним выражением (волеизъявлением), на которое полагаются добросовестные участники оборота. Такая латентность позволяет говорить об ошибке как о наиболее сложном пороке согласия (*vice de consentement*).

Дореформенная⁵³ статья 1108 С. С. называет в качестве реквизита действительности (*validité*) соглашения «согласие стороны, которая обязывается». Важно отметить, что в вопросе согласия французское право отводит центральное место именно внутренней воли человека, рассматривая волеизъявление лишь как «способ экстерииоризации для третьих лиц»⁵⁴. Более того, некоторыми авторами отмечают, что следует учитывать только состояние

⁴⁸Рефлексируя на подход Г. Гроция, признававшего любой дефект воли значительным, С. Пуфендорф, Ж.Барбейрак и К. Вольф стремились ограничить чисто субъективный критерий причинного характера ошибки с помощью объективных критериев для определения значимости отдельных ошибок. (См: R. Sefton-Green. Op. cit. P. 56).

⁴⁹Гордли Дж. Указ. соч. // СПС «КонсультантПлюс».

⁵⁰Recueil complet des travaux préparatoires du Code civil. Par P.-A. Fenet,... – 1836. Т. 13. pp. 172, 223, 421.

⁵¹фр.: «L'erreur n'est une cause de nullité de la convention que lorsqu'elle tombe sur la substance même de la chose qui en est l'objet. Elle n'est point une cause de nullité lorsqu'elle ne tombe que sur la personne avec laquelle on a intention de contracter, à moins que la considération de cette personne ne soit la cause principale de la convention».

⁵²Planiol M. Traité élémentaire de droit civil. Т. 2: Obligations. Contrats. Sûretés réelles / Revu et complété par Georges Ripert; Avec le concours de Jean Boulanger. 2-me ed. Paris.1947. P. 72.

⁵³Далее по общему правилу будут использоваться пореформенные номера статей, имея в виду недавнюю реформу французского обязательственного права; дореформенные статьи указываются особо. См. подробнее: Маковская А.А. Реформа договорного права во Франции. Новые положения Гражданского кодекса Франции // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2016. С. 76–101.

⁵⁴Planiol M. Traité élémentaire de droit civil. Т. 2. P. 67.

души (*l'état d'esprit*) стороны, которая совершила ошибку, а добросовестность или недобросовестность его партнёра не имеют значения⁵⁵.

Между тем теория воли активно критикуется⁵⁶. Ж. Карбонье отмечает, что «данное положение поощряет психологические преувеличения и отводит внимание учёных от изучения внешнего выражения согласия, приоритет которого является более объективным и общественно полезным подходом»⁵⁷. В этой связи, начиная со второй половины XX века отмечается тенденция «придания большей гибкости»⁵⁸ (читай: ослабления) теории автономии воли. Поэтому в настоящее время выработался компромиссный подход, в соответствии с которым устанавливается презумпция совпадения декларируемой и действительной воли, однако в случае выявления их несовпадения, внутренняя воля преобладает, так как «нельзя принять выражение воли, которое не подкрепляется истинной волей»⁵⁹.

В то же время, воля стороны продолжает иметь первостепенное значение в случаях, когда на неё повлияли извне, так, ошибка, вызванная обманом, всегда является извинительной, а значит влечет недействительность договора (ст. 1139 С. С.). Упомянем, что ошибку и обман роднит общая категория незнания, которое может быть спонтанным – ошибка в узком смысле – или спровоцированным (обман). С другой стороны, ошибку необходимо отличать от простого незнания, так как в отличие от последнего она поражает волю: «соглашается, потому что думает, что знает, но ошибается»⁶⁰.

Таким образом, несмотря на уход от радикального понимания теории воли, французское право продолжает отдавать предпочтение внутренней воли лица в вопросах недействительности⁶¹. В этой связи можно предположить, что *ошибка в волеизъявлении*⁶² не выделяется в качестве самостоятельной разновидности ошибки во французской доктрине именно из-за определяющего значения воли, а не волеизъявления.

2.2. Разновидности ошибок в договоре

Известное римскому праву деление на ошибки в факте и ошибки в праве нашло своё закрепление в Code civil лишь после 2016 года. Разумеется, в доктрине известная дихотомия обсуждалась и ранее, однако, указывалось, что ошибка в праве приводит к ничтожности только если она привела к фактической ошибке в предмете соглашения⁶³. Так, ошибка в праве касается «психологического происхождения ошибочного представления в объекте,

⁵⁵Bénabent A. Droit civil. Les obligations. Paris. 2010. P. 60.

⁵⁶См. подробнее: Gounot E. Le principe de l'autonomie de la volonté en droit privé, contribution à l'étude critique de l'individualisme juridique, thèse, Dijon, 1912.

⁵⁷Carbonnier J. Droit civil. T. 4: Les obligations. 12. ed. Paris.1985. P. 71-72.

⁵⁸Cabrillac R., Lécuyer H., Nammour F... Droit des obligations: Droit français. Droit libanais. Perspectives européennes et internationales. Paris. 2006. P. 18, 20.

⁵⁹Terré F., Simler Ph., Lequette Y. et Chénéde F. Droit civil. Les obligations. Dalloz, 12e éd., 2018. P. 184.

⁶⁰Demolombe C., Cover F. Cours de code Napoléon: Traité des contrats ou des obligations conventionnelles en général. Lahure, 1882. T.1. P. 85.

⁶¹В отличие от правопорядков civil law, английское право в вопросе заблуждения отдаёт приоритет интересам третьих лиц, страдающих от ошибки контрагента (См. подробнее: Kötz H. European Contract Law. 2 ed. Oxford, 2017. P. 176); продоговорный подход воспринят и в PECL, ограничивающий недействительность по причине заблуждения случаями фундаментальной и двусторонней ошибки (См.: Jansen N., Zimmermann R. Contract Formation and Mistake... // Oxford Journal of Legal Studies, Vol. 31, Issue 4, Winter 2011, P. 648).

⁶²Конструкция которой нашла свое отражение, например, в ст. 4:104 PECL – режим доступа: https://www.trans-lex.org/400200/_/pecl/

⁶³Ripert G., Boulanger G. Traité de droit civil: d'après le traité de Planiol, V. 2. Paris. 1956. P. 40.

что вызывает существенную ошибку и становится причиной недействительности»⁶⁴.

Согласно классическим подходам, дефект, затрагивающий согласие хотя бы одной из сторон поражает соглашение в целом⁶⁵. Поэтому деление ошибок на односторонние и двусторонние имеет весьма ограниченное применение во французском праве⁶⁶, исключением является разве что доктрина совместной ошибки (*l'erreur commune*)⁶⁷.

Однако конституирующий критерий классификации ошибок заключается в их влиянии на действительность договора. По этому основанию ошибки традиционно делят на три группы⁶⁸. Во-первых, это ошибки, наличие которых не позволяет заключить договор – препятствующие ошибки (*l'erreur-obstacle*). Во-вторых, ошибки, которые для признания их относительной недействительности должны соответствовать установленным критериям (*l'erreur nullité*). Третья же группа ошибок вообще безразлична для права (*l'erreur indifférente*).

Далее мы последовательно рассмотрим каждую из названных разновидностей ошибок.

2.2.1. Препятствующая ошибка (*l'erreur-obstacle*)

Несмотря на то, что Кодекс не упоминает о данном типе ошибок, они подспудно выводятся из общих положений договорного права. Препятствующая ошибка не может породить согласия, так как в действительности, воля сторон направлена на разное, что противоречит определению договора (ст. 1101 С.С.) как согласию двух волей.

Однозначно препятствует соглашению *ошибка в природе договора* (*l'erreur sur la nature du contrat*), например, когда один хочет взять в аренду, а другой думает, что продаёт. Однако признание договора незаключённым может привести в некоторых случаях к несправедливым последствиям. Поэтому, если ошибка не является извинительной, судья может сохранить договор или расторгнуть его с возмещением убытков⁶⁹.

Вместе с тем, ошибку в природе договора не стоит путать с ошибкой в квалификации договора, критерием разграничения которых служит определённость сторон в отношении последствий заключаемого ими договора⁷⁰. Известная проблема, когда контрагенты полностью определили содержание обязательства, но по каким-то причинам использовали в «шапке» название другой договорной конструкции, что само по себе не означает ошибку в природе договора.

⁶⁴Ghestin J. Op. cit. P. 57.

⁶⁵Ibid. P. 169.

⁶⁶В то время как ст. II. – 7:201 DCFR (режим доступа: https://www.trans-lex.org/400725/_/outline-edition-/) и ст. 4:103 PECL предусматривают двустороннюю ошибку в качестве отдельного основания недействительности.

⁶⁷Так как односторонняя ошибка позволяла расторгнуть договор даже с добросовестным контрагентом, была разработана доктрина общей ошибки, учитывающей одновременную ошибку обеих сторон при заключении договора. Например, покупатель не сообщил продавцу о желаемом существенном качестве, полагая, что он и так знает об этих качествах – в этом случае речь идет о общей ошибке, что уменьшает размер ответственности продавца (См. подробнее: Demolombe C., Cover F. Op. cit. T.1. P. 97).

⁶⁸Carbonnier J. Op. cit. P. 90.

⁶⁹Demogue R. Traité des obligations en général. T. 1. Paris. 1933. P. 412.

⁷⁰Terré, Simler, Lequette... Op. cit. P. 311.

Если каждая из сторон имеет в виду разные предметы договора, то имеет место *ошибка в обозначении объекта* (*l'erreur sur la désignation de l'objet*)⁷¹. Например, когда сторона, «желая купить единый земельный участок с фруктовым садом, но имея на руках старую карту местности, заключила договор о покупке нескольких маленьких участков, пересечённых общественной дорогой»⁷². В данном случае Кассационный суд, не рассматривая вопрос о вине покупателя, признал наличие препятствующей ошибки, так как отсутствует согласие сторон в обозначении объекта. Особой разновидностью ошибки в обозначении объекта является ошибка в цене – пример, активно препарируемый в научной литературе, – когда продавец думал, что продаёт за 500 новых франков, а покупатель за 500 старых франков⁷³.

В недавнем прошлом⁷⁴ третьим видом препятствующей ошибки называли *ошибку в каузе* (*l'erreur sur la cause*), которая препятствует заключению договора, так как согласно дореформенной ст. 1108 «дозволенная кауза» являлась обязательным условием действительности соглашения. Классическую интерпретацию данной ошибки можно найти в знаменитой работе А. Капитана, который говорит об ошибке в каузе как об ошибке в «желанной цели», которая должна относиться к существенному элементу договора⁷⁵.

При этом Капитан придаёт ошибке в каузе значение общей категории по отношению к ошибкам, названным в дореформенной ст. 1110 (в существе вещи, в лице)⁷⁶. Однако не совсем прозрачны цели такого усложнения конструкции: зачем выводить категорию ошибки в каузе, которая совпадает своим объёмом с ошибками, указанными в ст. 1110 старой редакции? Можно предположить, что ошибка в каузе, являясь продолжением доктрины каузы обязательства, была предусмотрена для потенциальных случаев отсутствия соответствующих видов легально закреплённых ошибок.

С другой стороны, ошибка в каузе имела собственную сферу применения. Например, отец, считая, что его единственный сын погиб на войне, жертвует значительную часть своего состояния на благотворительность⁷⁷ – в данном случае заблуждение отца приводит к ложной каузе (*la fausse cause*), влекущей ничтожность соглашения. Примечательно, что вопреки внешнему отказу от доктрины каузы в пореформенном тексте появилось положение, которое фактически сохраняет ошибку в каузе: недействительной признаётся безвозмездный договор (*libéralité*), если в отношении мотива, в отсутствие которого её автор не распорядился бы, была допущена ошибка (абз. 2 ст. 1135 С. С.), поэтому решение примера с отцом-благотворителем будет аналогичным и в настоящее время.

Вместе с тем, в научной литературе поднимается проблема соотношения ложной каузы и ошибки в существенных качествах вещи. Основной вопрос стоит здесь в плоскости объёма доказывания по иску о недействительности в обоих случаях. Так, Ж. Гестен отмечает, что для доказательства ложной каузы достаточно отсутствия свободного намерения лица,

⁷¹Отметим, что в 2016 году были внесены изменения в Code de la consommation, которые предусматривают запрет «рекламы, сравнивающей товары или услуги путем явной или неявной идентификации с товарами конкурента, если такая реклама может ввести сторону в заблуждение» (ст. L122-1), что, несомненно, предохраняет потребителей от ошибки в обозначении объекта.

⁷²Cass., civ. 3, du 1 février 1995, 92-16.729, Publié au bulletin.

⁷³Cass., comm., du 14 janvier 1969, Publié au bulletin; В 1960 году произошла деноминация французского франка в соотношении 100 старых франков к одному новому.

⁷⁴После реформы 2016 года французский законодатель отказался от доктрины каузы обязательства (о причинах отказа см. подробнее: Terré F. Pour une réforme du droit des contrats. Paris. 2009. pp. 310).

⁷⁵Capitant H. De la cause des obligations: contrats, engagements unilatéraux, legs. 3-ème éd. Paris. 1927. P. 222.

⁷⁶Ibid. P. 223.

⁷⁷Carbonnier J. Op. cit. P. 90.

находящегося в психологической сфере, в то время как ошибка в существенных качествах вещи требует установления гораздо более объективных критериев⁷⁸. Поэтому неудивительно, что законодатель сохранил ошибку в каузе в ограниченном виде, только для безвозмездных договоров⁷⁹.

Таким образом, видится, что проблема ошибки в каузе может быть разрешена через обращение к критерию *существенности*, который, во-первых, направлен на защиту добросовестных участников оборота, и, во-вторых, не требует специальных теоретических суррогатов.

2.2.2. Ошибка в существенных качествах

Вторая группа ошибок порождает недействительность договора (*l'erreur nullité*). Уже первоначальная ст. 1110 С. С. упоминает об *ошибке в существенных качествах вещи* (*l'erreur sur la substance de la chose*). Однако, как и в римском праве, возникает сложность с правовым определением понятия существенных качеств.

Как отмечалось выше, вслед за Р.Ж. Потье французский Кодекс воспринял *субъективную концепцию* ошибки в существе, которая для определения существенных качеств вещи предлагает обратиться к намерениям лица: «те качества, которые побудили волю сторон»⁸⁰; «то, без чего стороны не заключили бы договор»⁸¹. Её антиподом предстаёт материальная концепция, поддерживаемая, например, Ш. Обри и Ш. Ро: «существенные качества – это те свойства, совокупность которых определяет специфическую природу вещи, отличающую ее от всех других»⁸².

По замечанию Ж. Карбонье, мы говорим именно о существенных качествах вещи⁸³, а не о предмете договора, которые, в отличие от последнего, относятся не к объективному и материальному, а субъективному и психологическому⁸⁴. Так, уже в начале XX века судебная практика распространила положения об ошибке в существе вещи на всё, что «при заключении договора представляло природу того, без чего стороны не заключили бы его»⁸⁵.

Указанная максима судебной практики основана на учении об ошибке в определяющем мотиве (*l'erreur sur les motifs déterminants*), которое представляет собой ограничение «палитры» мотивов лица. Определяющим является лишь тот мотив, который относится к такому объекту обязательства, без которого стороны не заключили бы договор, в то время как личные мотивы лица, не относящиеся к предмету договора не позволяют признать соглашение недействительным⁸⁶.

⁷⁸Ghestin J. Op. cit. P. 275.

⁷⁹Так как одной из ключевых целей реформы 2016 годы является «укрепление привлекательности французского права (очевидно, для коммерческого оборота – прим. П. Ж.)» (См.: *Projet de loi ratifiant l'ordonnance n 2016-131 du 10 février 2016* // <http://www.assembleenationale.fr/14/projets/pl3928.asp/>), что требует расширения гарантий правовой определенности.

⁸⁰Josserand L. Cours de droit civil positif français: conforme aux programmes officiels des facultés de droit. V. 2. Paris. 1930. P. 36.

⁸¹Ripert G., Boulanger G. Op. cit. P. 66

⁸²Aubry C. Rau C. Cours de droit civil français: d'après la méthode de Zachariae. T. 4. Paris. 1897. P. 296.

⁸³Упоминание об ошибке в существе «вещи» было выбрано не совсем удачно, его предлагалось заменить на более абстрактное *prestation* (фр.) – содержание обязательства (См.: Ghestin J. Op. cit. P. 45), что и было сделано в новой ст. 1132 С. С.: «*les qualités essentielles de la prestation due*».

⁸⁴Carbonnier J. Op. cit. P. 90.

⁸⁵Cass., civ., 28 janvier 1913, S. 1913. 1. 487.

⁸⁶Ripert G., Boulanger G. Op. cit. V. 2. P. 70.

Для того, чтобы ошибка в существенных качествах привела к недействительности достаточно ошибки одной из сторон, однако важно, чтобы другая сторона знала о том, что поражённое ошибкой качество было решающим для контрагента. Так, ст. 1133 С. С. определяет существенными качествами только те, которые прямо или по умолчанию (*tacitement*) согласованы и с учётом которых стороны заключили договор. Таким образом, распознаваемость качества (*qualité convenue*) позволяет добросовестному контрагенту принять конкретное качество как существенное и уточняет критерий определяющего мотива.

Определение ошибки в существе зависит от конкретных обстоятельств дела, когда судье предстоит понять, а истцу доказать, что он обратил внимание своего контрагента на то решающее значение, которое он придаёт конкретному обстоятельству (распознавание ошибки *in concreto*). Например, предмет договора между журналистом и издателем предполагает написание документальной книги про врача, которого журналист знал лично, однако, как выяснилось после заключения договора, журналист солгал о своём знакомстве с врачом⁸⁷. В этой ситуации суд обосновано признал наличие ошибки в существе вещи, так как написание документальной книги предполагало личное знакомство с доктором.

В то же время, в определённых случаях, выработанных практикой, поиск того, что являлось определяющим качеством для стороны, ведётся *in abstracto*: для среднестатистического человека при сопоставимых условиях. Как правило, речь идёт о произведениях культуры, когда подлинность, эпоха, стиль и т.п. с очевидностью являются определяющими и существенными условиями покупки⁸⁸. Ярким примером служит знаменитое *дело Poussin*⁸⁹, в котором Кассационный суд признал ошибку в существе вещи за продавцом, который на момент заключения договора чётко выразил, что продаваемая картина неоригинальная, однако, после покупки картины покупатель сделал экспертизу по результатам которой выяснилось, что картина являлась оригинальной⁹⁰.

Таким образом, волюнтаристская субъективная концепция ошибки в существе вещи уточняется («ограничивается») критериями определяющего мотива и распознаваемости. Поэтому можно отчасти согласиться с тем, что с точки зрения практических последствий субъективный и материальный подходы не так далеки друг от друга: «субъективно определяющее качество – это, как правило, объективно существенное качество»⁹¹.

Однако есть особый случай ошибки в существенных качествах, где разница между субъективным и материальным подходом более очевидна. Речь идёт об *ошибке в лице* (*l'erreur sur la personne*) или, как говорит пореформенный текст С.С., ошибке в существенных качествах лица. Статья 1134 С. С. предусматривает, что ошибка в существенных качествах лица является основанием недействительности только в том случае, если договор был заключён именно исходя из соображений присутствия конкретного лица.

Это законоположение соответствует доктринальным подходам, которые для признания ошибки в лице требуют, чтобы конкретное лицо представляло собой «основной или определяющий мотив соглашения»⁹². Таким образом, суд должен убедиться, что сторона не была бы обязана, если бы не допущенная ошибка⁹³. Сама ошибка может касаться как физического определения конкретного человека, так и его определённых качеств. Причем

⁸⁷Cass., civ. 1, du 11 octobre 1989, 88-14.220, Publié au bulletin.

⁸⁸См. *подробнее*: Bénabent A. *Op. cit.* P. 63.

⁸⁹Cass., civ. 1, du 22 février 1978, 76-11.551, Publié au bulletin.

⁹⁰Отдельного внимания заслуживает вопрос добросовестности и осмотрительности профессионального покупателя (Музей Лувра), который рассматривается в Главе 3 настоящей работы.

⁹¹Terré, Simler, Lequette... *Op. cit.* P. 317.

⁹²Aubry C. Rau C. *Op. cit.* T. 4. P. 297.

⁹³Ghestin J. *Op. cit.* P. 235.

качества могут быть как относительно легко устанавливаемые (профессиональные), так и более пристрастные: честность⁹⁴, репутация⁹⁵ и т.д.

Справедливо возникает вопрос о том, может ли платёжеспособность лица являться существенным качеством для ошибки в лице? Для того, чтобы ошибка в платёжеспособности стала причиной недействительности необходимо соблюдение двух условий⁹⁶: а) ошибка касается платёжеспособности на тот момент, когда лицо должно выполнить обязательство (только это соображение может оказать решающее влияние на согласие контрагента); б) неплатёжеспособность была определена во время заключения договора (в противном случае возникает непредсказуемость, а не ошибка).

Сфера применения ошибки в лице весьма широка и определяется исходя из заключения договора *intuitu personae*, с учётом личности лица. К этой категории относится ряд возмездных договоров: договор оказания услуг (медицинских, исполнительских услуг), договор поручения, договор товарищества и пр.; и большинство безвозмездных договоров (дарения, пожертвования и пр.)⁹⁷.

Таким образом, ошибка в существенных качествах вещи и ошибка в лице должны отвечать схожим критериям: относиться к качествам, введенным в договорные отношения на момент заключения договора (*распознаваемость*), которые должны представлять собой *определяющий мотив* соглашения.

2.2.3. Индифферентная ошибка

Третья группа состоит из ошибок, которые либо не влекут недействительность вовсе, либо не влекут её по общему правилу. Как следует из вышеизложенного, не влечёт недействительность ошибка в *несущественном* качестве вещи и ошибка в лице, когда определенное лицо *не имело значения* для соответствующего договора.

Так или иначе, основной массив индифферентных ошибок обнимается понятием *ошибки в мотиве* (*l'erreur sur le motif*), то есть в субъективных намерениях лица. Как замечает Р. Демог (Demogue), правопорядок отказывает в признании последствий недействительности за такими ошибками по двум причинам: «во-первых, для обеспечения соблюдения соглашений, и, во-вторых, в целях недопущения чрезмерного количества случаев недействительности»⁹⁸.

Чтобы достичь второй цели достаточно полностью отказать в признании ошибки в мотиве. Действительно, «человек должен использовать свою свободу на свой страх и риск»⁹⁹, а «защищая слишком легко волю некоторых, мы не будем учитывать волю остальных»¹⁰⁰. Однако, с другой стороны, едва ли такой ригоризм позволит сохранить баланс справедливости.

Именно в противопоставлении этих двух политико-правовых оснований французская доктрина и судебная практика пришли к выводу о том, что ошибка в мотиве, который не был объективирован явным условием договора, не может являться основанием недействительности¹⁰¹. Соответственно, мотив должен быть введен в договорное поле («*entrer dans le*

⁹⁴Cass. civ. 2ème, du 13 avril 1972, n 70-12.774.

⁹⁵Cass. com., du 19 novembre 2003, n 01-01.859.

⁹⁶Ghestin J. *Op. cit.* Paris. 1963. P. 244.

⁹⁷Bénabent A. *Op. cit.* P. 61.

⁹⁸Demogue R. *Traité des obligations en général*. T. 1. Paris. 1933. P. 387.

⁹⁹Vareilles-Sommières G. *Étude sur l'erreur en droit romain et en droit français*. Paris. 1871. P. 172

¹⁰⁰Ibid.

¹⁰¹См: Cass., civ. 1, du 13 février 2001, 98-15.092, Publié au bulletin.

champ contractuel»), причём «чем сильнее субъективность элемента, к которому относится ошибка, тем больше нужно доказать стремление к объективации в договоре»¹⁰².

Таким образом, в отличие от традиционного подхода, предложенного Р.Ж. Потье, недостаточно того, чтобы мотив был случайно известен партнёру по договору. Напротив, стороны должны явно сделать его определяющим фактором в своём согласии (например, путём оговорки или через специальное условие договора)¹⁰³.

В одном из ключевых дел по рассматриваемой проблеме покупателя, приобретая квартиры в жилом комплексе, рассчитывали на возможность получения в будущем парковочного места на специальном налоговом режиме, что позволило бы сэкономить им на оплате парковки. Данная информация содержалась в рекламной брошюре. Однако Кассационный суд отказался признавать заявленную покупателями ошибку в существе вещи, «так как информация из рекламной брошюры является внешней по отношению к объекту договора и не может быть, за отсутствием специальных оговорок, причиной недействительности, даже если это основание было бы решающим в качестве элемента договора»¹⁰⁴.

Между тем, новая ст. 1135 С. С. устанавливает, что ошибка в мотиве, не относящемся к существенным качествам содержания обязательства или контрагента, не является причиной недействительности, если только стороны прямо не сделали этот мотив определяющим фактором своего согласия. То есть ошибка в мотиве, которая относится к существенному качеству, приводит к недействительности даже в том случае, если мотив не был объективизирован в договоре.

Ошибка в стоимости (l'erreur sur la valeur) возникает при неверной оценке стоимости объекта договора. Статья 1136 С. С. позволяет признать недействительность договора из-за такой ошибки только тогда, когда она сопряжена с ошибкой в отношении существенных качеств содержания обязательства. В любом случае ошибка в стоимости может вызывать недействительность, если она сочетается с другой «неправомерностью»: спровоцирована обманом, относится к объекту и т.д.¹⁰⁵

Отражённый в Кодексе подход повторяет сложившуюся судебную практику. В одном из рассматриваемых в Кассационном суде дел¹⁰⁶ акционерное общество продало 250 акций двум покупателям, которые позже потребовали признать договор недействительным из-за ошибки в существе вещи, так как при его заключении они полагали, что покупают выгодные для себя акции, в то время как акции оказались малорентабельными. Кассационный суд отклонил их требования, указывая на то, что сама по себе ошибка в стоимости, в отрыве от ошибки в существе, не влечёт недействительности договора, так как содержанием обязательства являлась продажа 250 акций, которые и были переданы обществом.

Возможное объяснение такого ограничительного подхода к ошибке в стоимости видится в требовании разумности поведения лица и бремени коммерческого риска лица, который вступая в договорные отношения, мог воспользоваться, например, услугами экспертов для определения стоимости. Другое объяснение кроется в возможной конкуренции ошибки в стоимости и оспаривания договора в связи с его *убыточностью*¹⁰⁷, являющегося самостоятельным

¹⁰²Chassagnard-Pinet S. La sanction du motif erroné, note sous Cass. 1ère civ., 24 avril 2003 // Recueil Dalloz 2004 (7). P. 451, 453.

¹⁰³Terré, Simler, Lequette... *Op. cit.* P. 327.

¹⁰⁴Cass., civ. 3, du 24 avril 2003, 01-17.458, Publié au bulletin.; *схожая практика*: Cass., comm., 11 avril 2012, 11-15.429, Publié au bulletin.

¹⁰⁵Terré, Simler, Lequette... *Op. cit.* P. 326.

¹⁰⁶Cass. com., 26 mars 1974, n 72-14.791.

¹⁰⁷Доктрина *la lésion*, от лат. – *laesio enormis*. В любом случае, такая конкуренция может возникнуть лишь в некоторых, специально оговоренных в Кодексе случаях (ст. 1168 С. С.): купля-продажа недвижимости, договора заключенный несовершеннолетним и нек. др.

основанием недействительности. Образно отмечают, что применение конструкции ошибки в таких случаях «иногда недостаточно, иногда слишком велико, но никогда не эффективно»¹⁰⁸.

3. Ошибка в договоре как основание его недействительности

3.1. Относительная недействительность как общее правило

Ошибка как порок согласия традиционно влечёт последствия относительной недействительности соответствующего договора, а значит субъектом оспаривания является только та сторона, чьё согласие нарушено¹⁰⁹. Несмотря на то, что ст. 1131 Кодекса распространяет на пороки согласия относительную недействительность, возникает вопрос, применяется ли это правило к препятствующим ошибкам (*l'erreur-obstacle*), которые, как указывалось выше, вовсе не порождают соглашения из-за отсутствия согласия сторон?

Именно по причине отсутствия согласия сторон препятствующая ошибка ранее влекла абсолютную недействительность договора¹¹⁰. Но современная доктрина исходит из того, что препятствующая ошибка «не затрагивает общественного интереса, а касается лишь риска сторон»¹¹¹, а значит отсутствие согласия приводит к относительной недействительности¹¹². Консолидируется с таким подходом и недавняя судебная практика¹¹³. Поэтому, новая ст. 1179 устанавливает, что недействительность является абсолютной только тогда, когда нарушенное правило имеет целью защиту общего интереса.

С одной стороны, генеральное распространение относительной недействительности позволяет стандартизировать ее последствия применительно ко всем разновидностям ошибок. С другой стороны, видится, что правовая природа препятствующей ошибки всё-таки будет приниматься во внимание в определённых случаях. Так как при препятствующей ошибке поражённое условие всегда имеет существенный характер, то к ней едва ли будет применимо выработанное судебной практикой правило о частичном аннулировании отдельных ошибочных условий договора, если они имеют аксессуарный характер¹¹⁴. Кроме того, субъектами оспаривания при препятствующей ошибке могут быть не один, а одновременно оба контрагента¹¹⁵.

Срок исковой давности по иску о признании недействительности вследствие ошибки составляет пять лет (ст. 2224 С. С.). Как по старым (ст. 1304), так и по ныне действующим (ст. 1144) правилам С. С. этот срок начинает течь с момента, когда ошибка была обнаружена. Однако, в литературе предлагается и другой подход к определению начала течения срока, предполагающий рассмотрение наличия ошибки с момента «встречи двух волей», то есть с момента заключения договора.¹¹⁶

¹⁰⁸Vareilles-Sommières G. *Op. cit.* P. 168.

¹⁰⁹*См., например:* Cass., civ. 1, du 1 mars 1988, 86-17.492, Publié au bulletin.

¹¹⁰Planiol M. *Traité élémentaire de droit civil. T. 2: Obligations. Contrats. Sûretés réelles / Revu et complété par Georges Ripert; Avec le concours de Jean Boulanger. 2-me ed. Paris.1947. P. 349.*

¹¹¹Terré, Simler, Lequette... *Op. cit.* P. 332.

¹¹²Именно такой подход предлагается в ст. 1109-2 Avant-проекта Catala. Более того, как указывают авторы соответствующего раздела проекта, признание за препятствующей ошибкой относительной недействительности положило конец дискуссиям о возможном развитии концепции несуществования (*d'inexistence*). (*Avant-projet de reforme du droit des obligations et du droit de la prescription. Rapport a Monsieur Pascal Clement, ministre de la justice 22 septembre 2005. P. 30*).

¹¹³Где в качестве принципиального критерия разграничения абсолютной и относительной недействительности признается *защищаемый интерес*, а не серьезность нарушения условий действительности соглашения (*См. например:* Cass., civ. 3, 26 juin 2013, 12-20.934, Publié au bulletin).

¹¹⁴Civ. 12 oct.1955, *Bull. civ.* n338, p. 279- v. ss 569 s.

¹¹⁵Terré, Simler, Lequette... *Op. cit.* P. 617.

¹¹⁶*См. подробнее:* Rouvière F. *Le moment d'appréciation de l'erreur. // Recueil Dalloz, Dalloz, 2014, p. 1782.*

С позиции формальной логики, утверждение о том, что ошибка существует на момент заключения договора абсурдно, так как стороны не знают о заблуждении. Однако если предположить, что один из контрагентов субъективно недобросовестен, то детерминация момента восприятия ошибки моментом заключения договора позволяет «сравнить знание контрагента при заключении договора и реальность, обнаруженную после заключения договора, что позволяет определить, являлась ли ошибка извинительной»¹¹⁷.

Так, в одном из дел суд отказал в недействительности стороне, ссылавшейся на наличие разрешения на строительство в момент заключения договора, так как «риск, связанный с присутствием подземной полости, всё равно существовал на дату продажи, что должно было учитываться сторонами»¹¹⁸. Вместе с тем, в литературе отмечается, что даже если ошибка будет оценена на момент заключения договора, к выводу о недействительности можно прийти через ретроактивное аннулирование соответствующего разрешения на строительство, которое покажет, что «несмотря на кажущуюся действительность разрешения на момент заключения договора, это представление было временным и вводящим в заблуждение»¹¹⁹.

Говоря о недействительности договора из-за ошибки, нельзя обойти стороной и её последствия. Реституция как общее последствие недействительности предусматривает возмещение в натуральной форме (1352 С. С.) за исключением случаев когда должник должен уплатить сумму денежного обязательства (ст. 1343 С. С.). Однако, на практике могут возникнуть ситуации, когда реституция в натуральной форме невозможна ввиду отсутствия вещи у контрагента. Например, если вещь перешла к контрагенту по договору с ошибкой, а затем была перепродана им третьему лицу и так далее по цепочке договоров¹²⁰. В научной литературе отмечается, что в случае отсутствия вещи у контрагента эквивалентом является реституция стоимости, а именно «реальная стоимость, то есть стоимость вещи в день реституции в состоянии на день исполнения обязательства продавцом»¹²¹.

При этом вне зависимости от успеха в оспаривании договора, сторона может требовать возмещения убытков по правилам внедоговорной ответственности (ст. 1178 С. С.). Кроме того, если контрагент был недобросовестным и знал о пороке согласия при заключении договора, то имеет место не только возмещение реального ущерба, но и возможность удовлетворения позитивного договорного интереса другой стороны¹²².

3.2. Извинительная ошибка

Изначальный текст Кодекса не упоминает об извинительной ошибке, которая стала де-факто последующей судебной практики. Ж. Гестен выделяет две причины создания института извинительной ошибки: «во-первых, поиск новых ограничений недействительности договора; во-вторых, стремление судей к установлению вины одной из сторон, связанное с развитием института гражданско-правовой ответственности (*responsabilité*)»¹²³.

Новая ст. 1132 С. С. исключает недействительность, если ошибка является неизвинительной (*l'erreur excusable*). Тем самым была закреплена многолетняя практика Кассационного суда, который последовательно отказывал стороне в праве требовать признания не

¹¹⁷Rouvière F. *Op. Cit.*, p. 1784.

¹¹⁸Cass., civ. 3, 12 juin 2014, 13-18.446, Publié au bulletin.

¹¹⁹Atias Ch. *La rétroactivité, cause de nullité // Recueil Dalloz*, 2008. № 44. P. 3110.

¹²⁰Cass., civ. 1, du 11 juin 2002, 00-15.297, Publié au bulletin.

¹²¹Rakotovahiny M.-A., *Restitution en nature ou restitution en valeur: propos sur une équivalence fonctionnelle // Recueil Dalloz*, N° 41, 2002, p. 3109.

¹²²*См. подробнее: Malaurie P., Aynès L., Stoffel-Munck P., Les obligations, 2e éd., Paris. 2005. P. 351.*

¹²³Ghestin J. *Op. cit.* P. 153.

действительности из-за ошибки, которая произошла по её грубой вине («неизвинительная» ошибка)¹²⁴.

Для определения извинительного характера ошибки должны приниматься во внимание личные качества стороны, а не абстрактный стандарт среднестатистического лица¹²⁵. При этом остаётся открытым вопрос о форме вины, которая соответствует неизвинительной ошибке. Одни авторы говорят об «обычной небрежности»¹²⁶, другие же отмечают, что речь должна идти о «грубой вине без смягчающих обстоятельств»¹²⁷.

Критерий извинительности особенно точно реагирует на случаи, когда одна из сторон договора является профессионалом. Действительно, ссылку на ошибку в обозначении объекта сомнительно слышать от перевозчика, который покупает автомобиль несуществующей марки¹²⁸ или архитектора, который при покупке участка пренебрегает вопросом о его пригодности для последующей застройки¹²⁹.

Однако распространение «извинительности» в качестве генерального правила позволяет признавать её даже за стороной-профессионалом. Кроме того, некоторыми авторами обоснованно критикуется распространение критерия извинительности на случаи, когда совершена препятствующая ошибки и ошибка в праве (которая ранее не имела характера извинительности)¹³⁰. Между тем в судебной практике можно найти немногочисленные случаи, когда суд применял правила о недействительности к ошибке в праве (например, при незнании о наличии преимущественного права у лица)¹³¹. В доктрине также высказывается позиция о том, что правила об ошибке применяются вне зависимости от того совершена ли она в праве или факте¹³².

Итак, лицо, чья ошибка не является извинительной должно устранить ущерб, возникший в результате аннулирования договора. Однако, Ж. Дабан (*Dabin*) отмечает, что нужно различать ситуацию, когда договор действительно аннулирован и затем доказывается ущерб в денежной форме, и ситуацию, когда договор не аннулирован, а значит необходимо возмещение в натуре»¹³³, то есть сохранение предоставленного по договору с ошибкой.

В любом случае, критерий извинительности предполагает учёт добросовестности и разумности ошибающегося лица, что «в дополнение к морализации договорных отношений помогает сохранить договорную стабильность»¹³⁴, так как беззаботный не защищается.

3.3. Правило «риск убивает ошибку»

Ещё более одиозным случаем, когда правопорядок отказывает в возможности сослаться на ошибку, является ошибка в качествах, в отношении которых имеется неопределённость.

¹²⁴См.: Bénabent A. *Op. cit.* P. 66.

¹²⁵Ghestin J. *Op. cit.* P. 157.

¹²⁶Demogue R. *Traité des obligations en général*. T. 1. Paris. 1933. P. 403.

¹²⁷*Dabin J. Erreur inexcusable et nullité des conventions // Études de droit civil, Bruxelles, 1947. P. 48.*

¹²⁸Civ. 1, 29 juin 1959, Bull. civ. 1, n 320.

¹²⁹Civ. 3, 9 octobre 1969, Bull. civ., V, n 329.

¹³⁰Le Moulec É. *Réforme du droit des obligations: quelques éléments relatifs aux vices du consentement. // Revue juridique de l'Ouest, 2016-3. P. 41.*

¹³¹Cass., civ. 3, 5 juillet 1995, 92-20.425, Publié au bulletin.

¹³²Demolombe C., Cover F. *Cours de code Napoléon: Traité des contrats ou des obligations conventionnelles en général*. Lahure, 1882. T. 1. P. 119.

¹³³*Dabin J. Op. cit.* P. 38.

¹³⁴Mazeaud D. *L'influence de l'erreur excusable // Recueil Dalloz, 2001, n 33, 27 septembre, p. 2704.*

В этом случае действует правило «*l'aléa chasse l'erreur*», которое исключает ошибку, так как стороны изначально приняли риск её существования¹³⁵.

Действительно, согласие сторон в отношении неопределённого существенного качества объекта исключает возможность их заблуждения. Причём речь идёт не только и не столько о классических алеаторных договорах (игра, пари, страхование и пр.), сколько о любых договорах, в которых «неопределённость относительно объекта договора известна обеим сторонам»¹³⁶. При этом необходимым критерием выступает включение соответствующего условия в содержание договора.

Так, в одном из ключевых дел по данной проблеме продавец продал некую картину, предположительно приписываемую кисти знаменитого художника Ж.-О. Фрагонара. После покупки выяснилось, что картина в действительности была подлинная, после чего наследники продавца потребовали признать совершённую продажу недействительной из-за ошибки в существе вещи. Однако, так как при продаже обе стороны не были уверены в подлинности картины и неопределённость в подлинности была прямо установлена в договоре, суд отклонил жалобу¹³⁷.

В результате реформы названное правило было закреплено в абз. 3 ст. 1133 С. С.: наличие риска в каком-либо качестве содержания обязательства исключает ошибку в этом качестве.

3.4. Способы преодоления ошибки в договоре

В завершение мы рассмотрим некоторые способы, позволяющие избежать недействительность договора по причине ошибки.

Пожалуй, самым естественным случаем преодоления ошибки является воля стороны, которая знает о пороке согласия, но хочет подтвердить действительность соглашения. Так, с помощью *подтверждения* (*la confirmation*) можно устранить основание недействительности, однако подчеркивается, что подтверждённое обязательство также не должно нарушать закон и общественный порядок¹³⁸. Следствием этой посылки является обязательное соблюдение условий, необходимых для действительности подтверждения¹³⁹.

Мотивы подтверждения могут быть самыми разными, однако, видится, что сохранение договорных отношений на ошибочно закреплённых условиях должно быть выгодно самой стороне. Одновременно с этим Кодекс традиционно¹⁴⁰ закрепляет возможность подтверждения соглашения конклюдентными действиями – через добровольное исполнение договора стороной, знающей о существовании основания недействительности (абз. 3, ст. 1182 С. С.).

В качестве разновидности подтверждения можно рассматривать и появившийся после реформы механизм «запросов» (*l'action interrogatoire*). Теперь сторона по своей инициативе может потребовать от контрагента указать, намерен ли он оспаривать соглашение в будущем или нет. В течение 6 месяцев (пресекательный срок) сторона, которая может ссылаться на недействительность, должна дать в письменной форме ответ на запрос, при отсутствии ответа договор считается подтверждённым (ст. 1183 С. С.).

Таким образом, направление «запроса» фактически сокращает срок исковой давности с пяти лет до шести месяцев, что таит в себе возможность злоупотреблений. В этом смысле

¹³⁵Bénabent A. *Op. cit.* P. 64.

¹³⁶Terré, Simler, Lequette... *Op. cit.* P. 318.

¹³⁷Cass., civ. 1, du 24 mars 1987, 85-15.736, Publié au bulletin.

¹³⁸Aubry C. Rau C. *Op. cit.* T. 4. P. 262.

¹³⁹Вот некоторые из них: знание стороны о пороке согласия; устранение основания недействительности к моменту подтверждения; указание конкретного мотива подтверждения и др. (См. подробнее: Planiol M. *Op. cit.* T. 2. P. 428).

¹⁴⁰Ibid. P. 428.

«запрос» представляет собой компромисс между защитой права оспаривания и стремлением обеспечить определённую в отношении поведения контрагента.

Однако, названные способы «уничтожения» ошибки *ex post* не могут защитить разумные ожидания стороны на момент заключения договора. В связи с этим особого внимания заслуживает институт *гарантии в отношении скрытых дефектов (la garantie des vices cachés)*, который предусматривает обязанность продавца гарантировать отсутствие скрытых недостатков проданной вещи, которые: а) делают её непригодной для предназначенного употребления; б) уменьшают возможность использования вещи настолько, что покупатель не приобрёл бы её, зная об этих недостатках (ст. 1641 С. С.).

Можно заметить, что технически гарантия выступает субститутутом ошибки, так как обеспечивает отсутствие дефектов, наличие которых нарушило бы существо обязательства и поразило согласие стороны. Действительно, во французской доктрине признаётся, что теория скрытых недостатков близка теории ошибки и «имеет общую философскую основу»¹⁴¹ с ошибкой в существе вещи. А. Капитан отмечает, что существование скрытого дефекта по своей природе является ошибкой в существе вещи, «так как покупатель не достигает цели, которую он специально оговорил»¹⁴². Таким образом, своей гарантией продавец фактически исключает ошибку в некоторых существенных качествах вещи¹⁴³.

Вместе с тем, иск из гарантии имеет некоторые преимущества в сравнении с иском о недействительности по ошибке. Так, иск из гарантии гораздо лучше учитывает добросовестность продавца, определяя через неё размер возмещения¹⁴⁴: если продавец знал о дефектах вещи, то возмещению подлежит уплаченная цена и другие причинённые убытки (ст. 1645 С. С.); если продавец не знал о дефектах вещи, то возмещается только сумма до восстановления реальной стоимости вещи и расходы, вызванные продажей (ст. 1646 С. С.)

Ограниченность применения гарантии скрытых дефектов отчасти нивелируется *общей договорной обязанностью информирования (le devoir general d'information)*, которая нашла своё отражение в новой ст. 1112-1 С. С. Так, стороны, которые знают информацию, имеющую решающее значение для согласия другой, должны сообщить об этом другой стороне. При этом обязанность «включается» только при соблюдении трёх условий¹⁴⁵: информация должна иметь решающий характер для согласия; обязанный информировать знает (а не «должен знать») соответствующую информацию; незнание другой стороны законно (то есть допущенная ошибка будет носить извинительный характер).

Примечательно, что второй абзац названной статьи прямо исключает обязанность информирования в оценке стоимости предоставления. Очевидно, такая оговорка сделана под влиянием судебной практики, основание которой положило *дело Baldus*¹⁴⁶, в котором Кассационный суд отказал в иске продавщице, которая, не зная истинной стоимости фотокарточек знаменитого фотографа, продавала их по низкой цене. В этом деле суд указал, что покупатель не связан какими-либо обязательствами по предоставлению информации о стоимости вещи, которую он приобретает.

¹⁴¹Demolombe C., Cover F. *Op. cit.* Т. 1. P. 109.

¹⁴²Capitant H. De la cause des obligations: contrats, engagements unilatéraux, legs. 3-ème éd. Paris. 1927. P. 232.

¹⁴³Однако, если речь идёт о «явных недостатках, в которых покупатель мог убедиться сам», то обязанность гарантии не наступает (ст. 1642 С. С.). Кроме того, сфера применения гарантии весьма ограничена: она применяется только к купле-продаже вещей и только к скрытым недостаткам.

¹⁴⁴Ghestin J. *Op. cit.* P. 335.

¹⁴⁵Terré, Simler, Lequette... *Op. cit.* pp. 370-372.

¹⁴⁶Cass., civ. 1, du 3 mai 2000, 98-11.381, Publié au bulletin.

Таким образом, правила Code civil содержат как способы последующего оздоровления договора с ошибкой, так и преддоговорную обязанность информирования, которая выступает средством превенции ошибок в договоре.

Заключение

В заключение проведённого нами исследования можно сделать следующие выводы.

Во-первых, для объяснения заблуждения как основания недействительности необходимо обращаться к смежным дисциплинам (истории права, философии права), что позволяет выявить догматические основания подхода к ошибке в отдельно взятом правовом порядке.

Во-вторых, французское гражданское право, имеющее в своей основе естественно-правовые начала, в вопросах пороков согласия отдаёт решающее значение внутренней воле лица, а не его волеизъявлению. Эта установка объясняет восприятие субъективной концепции ошибки в договоре.

В-третьих, напряжение в учении о заблуждении вызвано сложностями проведения демаркационной линии как между отдельными разновидностями ошибок, так и соотношением ошибки с другими основаниями недействительности (обман, убыточность соглашения, ложная кауза).

В-четвёртых, сопоставление римского права классического периода и французского права позволяет сделать вывод о том, что построение системы ошибок через указание на то, в чём конкретно ошибся заблуждающийся не имеет ценности, напротив, необходим общий принцип, который определяет классификации ошибок. Таким принципом является воздействие ошибки на действительность договора.

В-пятых, ошибка в существенных качествах вещи представляет собой универсальную конструкцию ошибки, влекущей недействительность. Остальные разновидности ошибок рассматриваются в сопоставлении с ошибкой в существе. При этом изначальный критерий существенности был уточнён доктриной определяющего мотива и необходимостью знания контрагента о значимости соответствующего качества для другой стороны.

В-шестых, поиск баланса между уважением воли лица и защитой ожиданий добросовестных контрагентов привёл к постановке двух вопросов, ответ на которые позволяют признать недействительность из-за ошибки в мотиве: а) относится ли мотив к существенному качеству вещи? б) введён ли мотив в договорные отношения как условие договора?

В-седьмых, продолжение поиска «ограничителей» ошибки привело к восприятию критерия извинительности ошибки, который учитывает виновность ошибающейся стороны. А распространение на все разновидности заблуждения относительной недействительности ограничивает круг лиц, имеющих интерес в оспаривании.

В-восьмых, учёт добросовестности и виновности стороны, совершившей ошибку, приводит к обязанности возмещения понесённых контрагентом убытков, причём как в связи со сделанными приготовлениями и исполненным по договору, так и в связи с аннулированием договора. Однако отдельные вопросы размера и оснований гражданско-правовой ответственности требуют более подробного рассмотрения.

В-девятых, сторона, допустившая ошибку, может подтвердить действительность договора, однако будучи односторонним актом, подтверждение ставит защиту другой стороны в зависимость от воли ошибающегося, что не полностью гарантирует защиту контрагента. Возможное решение видится в поиске способов перераспределения риска ошибки в момент заключения договора.

Результаты проведённого исследования требуют дальнейшего осмысления, в том числе, применительно к российскому праву.

Петр Филиппович Жижин, заңгер, заң компаниясы Тукулов және Кассильгов Литгейшн (Қазақстан, Алматы қ.): Француз құқығындағы шарттағы қателік.

Ерік пен ерік-жігердің қарама-қайшылығы кез-келген құқықтық тәртіпті екі құқықтық құндылықтың арасындағы тепе-теңдікті табу міндетін қояды: азаматтық айналымның

тұрақтылығы және ерік-жігердің автономиясы. Сонымен, қателік жасаған адамды қорғау абсолютті бола алмайды-оның еркін құрметтеу екінші Тараптың ақылға қонымды үміттерін бұзбауы керек, бұл заңдық-техникалық және саяси-құқықтық тұрғыдан теңдестірілген тәсілді қажет етеді.

Керісінше, бүгінде Ресейде және басқа посткеңестік елдерде қате түсінік жарамсыздықтың маргиналды негізі ретінде қарастырылады, бұл көбінесе мәселені дұрыс теориялық түсінудің болмауымен байланысты. Жалпыеуропалық деңгейде де қателік туралы *common core* оқуын іздеуде қиындықтар туындайды. Мұның бәрі континентальды-құқықтық дәстүрді білдіретін және келіспеушіліктердің дамыған жүйесі бар француз құқықтық тәртібінің тәжірибесіне жүгіну қажеттілігін тудырады.

Осы мақалада Рим құқығынан бастап Франциядағы міндеттеме құқығының соңғы реформасына дейін (*зерттеу объектісі*) келісімшарттағы қателіктерге көзқарастардың дамуы талданады. *Зерттеу пәні* шарттағы қатені екі адамның ерік-жігері актісі ретінде қарастырумен шектеледі. Жұмыстың мақсаты француз құқығындағы қателік себебінен Шарттың жарамсыздығын тану үшін қажетті шарттарды анықтау болып табылады. Жұмыстың *ғылыми жаңалығы* Француз құқығындағы шарттағы қателік туралы ілімнің орыс тіліндегі алғашқы жүйелі презентациясына байланысты. Автордың тұжырымдары Француз доктриналық дереккөздері мен сот практикасын талдаумен расталады. Жалпы, жұмыста жалпы ғылыми әдістер де, жеке ғылыми әдістер де қолданылады: тарихи, салыстырмалы-құқықтық, нормативтік.

Түйінді сөздер: ерік, ерік-жігер, мәміле, келісім-шарт, жарамсыздық, жарамсыздық, жаңылыс, француз құқығы, Рим құқығы, салыстырмалы құқық.

Petr Filippovich Zhizhin, Associate, Tukulov Kassilgov Shaikenov Disputes (Kazakhstan, Almaty c.): Contract mistake in French law.

The contrast between intent and expression of will makes it a challenge for any legal system to find a balance between two legal values: stability of civil turnover and autonomy of will. This means that the defence of the erring party cannot be absolute - respect for his will must not violate the reasonable expectations of the other party, which requires a balanced approach from the legal-technical and political-legal points of view.

On the contrary today in Russia and other post-Soviet countries mistake is regarded as a marginal ground of invalidity, which is largely due to the lack of proper theoretical understanding of the problem. At the pan-European level there are also difficulties in finding a *common core* of the doctrine of mistake. All this makes it necessary to turn to the experience of the French legal order, which represents the civil law tradition and has a developed system of defects of consent.

This paper analyses the development of approaches to mistake in contract from Roman law up to the recent reform of the law of obligations in France (the object of the study). The object of the study is limited to the treatment of mistake in contract as an act of free will of two parties. The purpose of the paper is to clarify the necessary conditions for recognising the invalidity of a contract due to mistake in French law. The scientific novelty of the work is due to the first systematic presentation of the doctrine of mistake in contract in French law in Russian. The author's conclusions are supported by the analysis of French doctrinal sources and judicial practice. In general, the work uses both general scientific methods and private-scientific methods: historical, comparative-law, normative.

Keywords: Intent, expression of will, deal, contract, invalidity, nullity, misrepresentation, French law, Roman law, comparative law.

Список литературы:

1. Дигесты Юстиниана: Избр. фрагменты в пер. и с примеч. И.С. Перетерского / АН СССР, Ин -т государства и права; Отв. ред. Е. А. Скрипилев. М. 1984. – 456 с.
2. Дождев Д. В. Римское частное право: учебник. 3-е изд. М. 2018. 784 с.
3. Полдников Д. Ю. Формирование учения о договоре в правовой науке Западной Европы: XII – XVI вв.: диссертация ... доктора юридических наук: 12.00.01. М. 2016. – 572 с.

4. Санфилиппо Ч. Курс римского частного права. М. 2002. 400 с.
5. Сделки, представительство, исковая давность: постатейный комментарий к статьям 153–208 Гражданского кодекса Российской Федерации / Отв. ред. А.Г. Карапетов. М. 2018. – 1264 с.
6. Aubry C. Rau C. Cours de droit civil français: d'après la méthode de Zachariae. T. 4. Paris. 1897. – 783 p.
7. Avant-projet de reforme du droit des obligations et du droit de la prescription. Rapport a Monsieur Pascal Clement, ministre de la justice 22 septembre 2005 // <http://www.justice.gouv.fr/recherche.html>
8. Bénabent A. Droit civil. Les obligations. Paris. 2010. – 718 p.
9. Brissaud J. B. Cours d'histoire générale du droit français public et privé. 1904. – 1892 p.
10. Cabrillac R., Lécuyer H., Nammour F... Droit des obligations: Droit français. Droit libanais. Perspectives européennes et internationales. Paris. 2006. – 628p.
11. Carbonnier J. Droit civil. T. 4: Les obligations. 12. ed. Paris.1985. – 640 p.
12. Capitant H. De la cause des obligations: contrats, engagements unilatéraux, legs. 3-ème éd. Paris. 1927. – 506 p.
13. Demogue R. Traité des obligations en général. T. 1. Paris. 1933. – 695 p.
14. Demolombe C., Cover F. Cours de code Napoléon: Traité des contrats ou des obligations conventionnelles en général. Lahure, 1882. T.1. – 672 p.
15. Demat J. Les lois civiles dans leur ordre naturel. T. 1. Paris. 1689. – 513 p.
16. Recueil complet des travaux préparatoires du Code civil. T. 13. Par P. A. Fenet,... – 1836. – 832 p.
17. Ghestin J. La notion d'erreur dans le droit positif actuel: Thèse pour le doctorat... Paris. 1963. – 371 p.
18. Giffard. A. E. Droit romain et ancien droit français: Les obligations. 1958. Paris. – 451 p.
19. Girard P. F. Manuel élémentaire de droit romain. 1918. Paris. – 1115 p.
20. Gordley J. The Philosophical Origins of Modern Contract Doctrine. Clarendon Press. 1991. – 263 p.
21. Jossierand L. Cours de droit civil positif français: conforme aux programmes officiels des facultés de droit. V. 2. Paris. 1930. – 1128 p.
22. Kötz H. European Contract Law. 2 ed. Oxford. 2017. – 360 p.
23. MacMillan C. Mistakes in Contract law. Oxford. 2010. – 322 p.
24. *Malaurie P., Aynès L., Stoffel-Munck P., Les obligations, 2e éd., Paris. 2005. – 846 p.*
25. Planiol M. Traité élémentaire de droit civil. T. 2: Obligations. Contrats. Sûretés réelles / Revu et complété par Georges Ripert; Avec le concours de Jean Boulanger. 2-me ed. Paris. 1947. – 1075 p.
26. Pothier R. J. Traité des obligations. Orléans. V. I. 1761.
27. Prévost de la Jannès M. Les principes de la jurisprudence française, exposés suivant l'ordre des diverses espèces d'actions qui se pour suivent en justice. Paris. V.2. 1701 (1770).
28. Ripert G., Boulanger G. Traité de droit civil: d'après le traité de Planiol, V. 2. Paris. 1956. – 1068 p.
29. Schulz F. Principles of Roman Law. Oxford: Clarendon Press. 1936. – 268 p.
30. Sefton-Green R. Mistake, Fraud and Duties to Inform in European Contract Law. Cambridge University Press, 2005. – 462 p.
31. Terré F., Simler Ph., Lequette Y. et Chénéde F. Droit civil. Les obligations. Dalloz, 12e éd., 2018. – 2036 p.
32. Terré F. Pour une réforme du droit des contrats. Paris. 2009. – 310 p.
33. Vareilles-Sommières G. Étude sur l'erreur en droit romain et en droit français. Paris. 1871. – 372 p.
34. Zimmermann R. The Law of Obligations. Roman Foundations of the Civilian Tradition. Cape Town: Juta, 1990. – 1241 p.

Периодические издания:

35. Гордли Дж. Ошибка при заключении договора («Вестник гражданского права», 2009, № 4) // СПС «КонсультантПлюс».

36. Маковская А.А. Реформа договорного права во Франции. Новые положения Гражданского кодекса Франции // *Вестник экономического правосудия Российской Федерации*. 2016. С. 76-101.

37. Шермайер М. Й. Учение о заблуждении в истории европейской юридической мысли // *Закон*. 2015. № 9. С. 188-206.

38. *Atias Ch. La rétroactivité, cause de nullité // Recueil Dalloz, 2008. № 44. pp. 3109-3110.*

39. Chassagnard-Pinet S. La sanction du motif erroné, note sous Cass. 1ère civ., 24 avril 2003 // *Recueil Dalloz* 2004 (7). pp. 450-453

40. *Dabin J. Erreur inexcusable et nullité des conventions // Études de droit civil, Bruxelles, 1947. – pp. 31-54.*

41. Jansen N., Zimmermann R. Contract Formation and Mistake in European Contract Law: A Genetic Comparison of Transnational Model Rules // *Oxford Journal of Legal Studies*, Vol. 31, Issue 4, Winter 2011, pp. 625-662

42. Lawson F. H., Error in substantia // *The Law Quarterly Review*. Jan., 1936. pp. 79-105.

43. Le Moulec É. Réforme du droit des obligations: quelques éléments relatifs aux vices du consentement // *Revue juridique de l'Ouest*, 2016-3. pp. 39-50.

44. Mazeaud D. L'influence de l'erreur excusable // *Recueil Dalloz*, 2001, n 33, 27 septembre, pp. 2702-2705.

45. Rakotovahiny M.-A., Restitution en nature ou restitution en valeur: propos sur une équivalence fonctionnelle // *Recueil Dalloz*, N 41, 2002, pp. 3108-3109.

46. Rouvière F. Le moment d'appréciation de l'erreur // *Recueil Dalloz*, Dalloz, 2014, p.1782-1786.

Материалы судебной практики:

1. Cass., civ., 28 janvier 1913, S. 1913. 1. 487.

2. Cass., civ., 12 oct.1955, Bull. civ. n338, p. 279- v. ss 569 s.

3. Cass., civ. 1, 29 juin 1959, Bull. civ. 1, n 320.

4. Cass., civ. 3, 9 octobre 1969, Bull. civ., V, n 329.

5. Cass., civ. 2, du 13 avril 1972, 70-12.774, Publié au bulletin.

6. Cass., com., 26 mars 1974, 72-14.791, Publié au bulletin.

7. Cass., civ. 1, du 22 février 1978, 76-11.551, Publié au bulletin.

8. Cass., civ. 1, du 24 mars 1987, 85-15.736, Publié au bulletin.

9. Cass., civ. 1, du 1 mars 1988, 86-17.492, Publié au bulletin.

10. Cass., civ. 1, du 11 octobre 1989, 88-14.220, Publié au bulletin.

11. Cass., civ. 3, du 1 février 1995, 92-16.729, Publié au bulletin.

12. Cass., civ. 3, 5 juillet 1995, 92-20.425, Publié au bulletin.

13. Cass., civ. 1, du 3 mai 2000, 98-11.381, Publié au bulletin.

14. Cass., civ. 1, du 13 février 2001, 98-15.092, Publié au bulletin.

15. Cass., civ. 1, du 11 juin 2002, 00-15.297, Publié au bulletin.

16. Cass., civ. 3, du 24 avril 2003, 01-17.458, Publié au bulletin.

17. Cass., com., du 19 novembre 2003, 01-01.859, Publié au bulletin.

18. Cass., civ. 3, 26 juin 2013, 12-20.934, Publié au bulletin.

19. Cass., civ. 3, 12 juin 2014, 13-18.446, Publié au bulletin.

Для цитирования и библиографии: Жижин П.Ф. Ошибка в договоре во французском праве // *Право и государство*. № 4 (101), 2023. – С. 74-96. DOI: 10.51634/2307-5201_2023_4_74

Материал поступил в редакцию 03.10.2023.